

За ужином я действительно увидел тарелку тертого картофеля. Испытывая «модифицированную» версию из тертого картофеля, которую она приготовила в прошлый раз, я был очень бдителен. Согласно моим тщательным наблюдениям, Чу Юань каждый раз избегала тарелки с тертым картофелем, когда выбирала гарнир. Это может быть...

«Юань-юань, это блюдо... ты уверена, что не добавила больше приправ?» — я посмотрел Чу Юань в глаза и спросил. «Соплячка, если ты посмеешь снова надо мной подшутить, я точно пощекочу тебе ноги!»

Очевидно, Чу Юань тоже вспомнила, что произошло в тот день. Она внезапно отдернула назад вытянутую ногу, а ее маленькое лицо было полно бдительности: «Почему ты об этом спрашиваешь?!»

Я боялся, что ты снова добавишь что-нибудь в блюдо! Я взял палочками немного тертого картофеля и положил его в миску Чу Юань с лстивой улыбкой: «Я всегда беспокою тебя, чтобы ты приготовила ужин, спасибо тебе за твою тяжелую работу. Это награда твоего брата тебе».

Чу Юань нахмурилась, затем мило улыбнулась и тоже дала мне палочками немного картофеля: «Старший брат, ты сегодня много работал, это тоже моя награда тебе, попробуй, это определенно лучше, чем в прошлый раз...»

Мой холодный пот начал стекать вниз маленьким ручейком. Лучше, чем в прошлый раз? Что это значит? Это значит еще больше приправ? Чу Юань всегда скупилась на улыбки, но в этот момент она щедро одарила меня улыбкой. Однако ее улыбка меня напугала.

Для любого старшего брата быть вынужденным до такой степени, как я, было действительно печально: «Эр... Я немного хочу пить, позволь мне сперва пойти налить стакан воды, а ты можешь продолжать есть».

Чу Юань увидела, что я пытаюсь убежать, мило надула губы и пожаловалась слегка недовольным и в основном плаксивым тоном: «Старший брат, знаешь, что ты сейчас очень невежлив? Ты думаешь, мои палочки грязные?»

«Нет, почему бы мне...» — я неосознанно бросил взгляд на маленькие жирные губы Чу Юань, и посмотрел на тертый картофель передо мной, с трудом сглотнул и подумал про себя, что с блюдом что-то не так. С каких это пор она ведет себя мило передо мной? Я использовал палочки, чтобы размять рис в миске, но мои руки дрожали.

«Тогда почему ты не ешь?» — Чу Юань надулась и обиженно сказала: «Если ты не ешь, это значит, что ты думаешь, что я грязная. Я разозлюсь~»

О боже, почему эта девочка такая милая? Глядя в ее молящие большие глаза, было такое чувство, словно что-то внутри меня растаяло. Стоит ли цепляться за мои сомнения и достоинство? В любом случае, я снова стал бессовестным.

Нахмурившись, закрыв глаза и затаив дыхание, я суицидально отправил картофель в свой рот. Я даже подозревал, что даже если в моей миске сейчас будет яд, с таким милым выражением лица Чу Юань я бы съел его без всяких колебаний. Увы, она такая роковая женщина, ее милота смертельно опасна.

«Хм?» С решимостью умереть и отчаянным духом я осторожно несколько раз пожевал своими стучащими зубами, но обнаружил, что это на самом деле вкусно. Удивленно открыв глаза, я

увидел, что холодные глаза Чу Юань смотрели на меня довольно презрительно, как будто милое выражение лица сейчас было лишь моей иллюзией.

«Хм, мелочная!» — ее холодная реплика пронзила мое лицо, как острый меч. Черт возьми, это так неловко.

Я дважды неловко рассмеялся, а затем изобразил из себя гурмана и сказал: «Это очень вкусно, Юань-юань, ты снова повысила свое кулинарное мастерство...»

Мелочная девчонка не хотела так просто оставлять все: «Лицемер. Ты боялся, что я подшучу над тобой, как в прошлый раз, верно?»

«О? Ты признаешь, что в прошлый раз намеренно подшутила надо мной?» — я сохранял невозмутимое лицо и намеревался сменить тему.

Глаза Чу Юань сверкнули паникой. Она быстро отвернулась и раздраженно произнесла: «Я сказала, что все это было из-за того, что ты солгал мне, а ты разве не наказал меня?»

Думая о наказании, на лице Чу Юань появился легкий румянец. Затем она свирепо взглянула на меня и внезапно сказала: «Извращенец!»

"Извращенец?" Я не смог сдержать смеха: "Я просто пощекотал тебе ноги, в чем мое извращение? Это даже наказанием назвать нельзя. Максимум, что это было – баловство между родными братом и сестрой".

Маленькая ножка Чу Юань под столом вела себя не очень прилично, и одна из них неожиданно протянулась и пнула меня в ногу.

"Разве брат может по своему желанию трогать ногу сестры?"

"Это щекотка, щекотка, а не троганье!" Слово "троганье" слишком двусмысленное, как будто бы я намеренно собирался воспользоваться ситуацией с сестренкой. От этого у меня на какое-то время даже старость в лице заиграла румянцем. "Кроме того, даже если и трогать, что в этом такого? Другие родные братья и сестры, бывает, даже вместе в ванне моются, спины друг другу трут, и все тело трогают, и друг друга извращенцами не обзывают".

"Ерунда!" Кто знает, почему Чу Юань вдруг завелась. Сама-то наорала, так еще и весь рис из рта мне в лицо выплюнула.

От такого неженственного поступка она сразу же покраснела и смущенно проговорила: "Какие могут быть родные братья, которые вместе в ванной моются? Ты... даже и не думай об этом!" Левой рукой она прикрыла свою грудь, а правой с палочками для еды в руке указала на меня. Ее оборонительная поза была как у мечницы, которая собирается разобраться с какими-нибудь хулиганами.

Я вытер с лица и рассмеялся: "Я и не говорил о том, чтобы ты мылась со мной в ванной, чего ты так вдруг заволновалась?"

Чу Юань тоже почувствовала, что ее реакция чересчур бурная. Ей стало так неловко, что она чуть было не спряталась под стол: "Неужели ты на самом деле никогда не думал об этом?"

"Ты думала?" Мне вдруг показалось, что поддразнивать Чу Юань – очень занятное дело. У малышки на лице всегда написано безразличие – что радость, что гнев, что печаль, что стыд –

стоит только этому безразличию исчезнуть, и она становится такой милашкой.

"Тьфу!" – отрезала Чу Юань. А потом, как будто поняла, что я ее намеренно дразнил, снова села, опустила голову, сосредоточилась на еде и перестала разговаривать. Мне от этого стало чуточку грустно. Не знаю с какого момента, но, кажется, я вдруг стал плохим старшим братом, который любит притеснять свою сестренку.

Может, я и имел намерение угодить Чу Юань, да вот только в самом деле съел три большие миски риса за раз. Отставив посуду, я почувствовал только, как у меня раздуло живот. Я еле-еле мог пошевелиться. Наконец, после того как я помог Чу Юань убрать со стола, я разулся и рухнул на диван.

Включив телевизор, я снова в мыслях увидел образ Мо Фэй. Что с ней сегодня? Единственное, в чем я мог быть уверен, так это в том, что сегодня она себя вела очень странно, из-за того мужчины, с которым вчера ужинала. Но с чего вдруг пошел плач? Что произошло?

Я тихонько рассмеялся с горечью – иногда я очень жалкий. Когда я увидел слезы Мо Фэй, я на самом деле стал надеяться, что это из-за меня, а еще на самом деле испытал ревность, когда все это оказалось из-за другого мужчины. Это настолько нелепо и горько, что я и сам себя презираю.

Но... кто я для Мо Фэй на самом деле? Почему она меня дважды целовала? Почему она относится ко мне по-особенному? Разве это на самом деле способ выражения дружеских отношений? Блин! Я снова начал беспредельно мечтать, создавая для себя надежду. От подобных мыслей надо избавляться как можно скорее!

Я всегда считал себя теоретиком, поэтому и внушал себе, что нравиться и любить – это разные вещи. Для Мо Фэй это просто симпатия. От симпатии к человеку не больно, а вот от влюбленности можно пострадать. Ясно же, что счастливого конца не будет, а все равно продолжаешь добиваться, какая глупость, Чу Нань, ты правда это сделаешь?

А потом у меня в голове внезапно промелькнула странная мысль: разве только она не Чу Юань!

Вспомнив только что жареную картошку, я невольно рассмеялся. Как в солнечный день после того, как развеются свинцовые тучи, я вдруг увидел необъятный простор голубого моря и неба. Волнение мигом развеялось, ничего не осталось.

Что такое любовь? В любви всего три слова: "Я тебя люблю", "Я тебя ненавижу" или "Я извиняюсь", "Все кончено"...

Люди не должны быть слишком жадными, поэтому пора забыть об этом.

Как раз тогда, когда я пребывал в сентиментальном настроении, Чу Юань внезапно появилась рядом со мной, толкнула меня коленом и с лицом, полным недовольства, сказала: «Зачем ты занимаешь столько места? Тебе не стыдно? Вставай».

Дома был только один диван, поэтому я с неохотой сел и откинулся на спинку. «Ты хочешь посмотреть телевизор?»

Чу Юань не ответила. Она посмотрела на меня, сидящего на краю дивана, а затем на пустое место перед ним. Ее две тонкие прямые брови нахмурились. «Садись вперед!»

«Почему?» Ты, должно быть, шутишь. Я не смогу опереться на диван, если сяду впереди.

<http://tl.rulate.ru/book/45219/3991761>